

Ветер, казалось, стих, и теперь единственным звуком, нарушающим тишину на скале, был металлический скрежет цепей.

И Нин помедлил немного, а затем спрыгнул вниз, плавно приземлившись у пещеры.

— Что, ходил любоваться фонариками, а мне даже одного не принёс? — Янь Сюань, похоже, был настроен поболтать.

Он решил, что И Нин ходил на праздник фонарей?

Взгляд задержался на обожжённой коже запястий Янь Сюаня. Следы на них наверняка оставил электрический хлыст. Демонические культиваторы обладали невероятной регенерацией, поэтому открытые раны уже сменились большими багровыми струпьями.

Выдержав паузу, он посмотрел на лицо Янь Сюаня.

— Не на что там любоваться, — ответил И Нин.

Янь Сюань застыл под этим взглядом. Сердце на мгновение затрепетало, как от разряда того самого хлыста, вызывая покалывающий зуд. Однако с губ сорвались слова, полные насмешки:

— Не ожидал, что Почтенному бессмертному И Нину по душе такие развлечения.

Бессмертный нахмурился, но ничего не сказал. Янь Сюань же не унимался и продолжал свои расспросы:

— Ходил со своим бестолковым учеником?

Он всегда так называл Гун Сюсяня.

Настроение И Нина совсем испортилось, и отвечать ему не хотелось. Но Янь Сюань, чьё обоняние как у демонического культиватора было необычайно острым, учуял необычный запах.

— Почему от тебя пахнет другим мужчиной? — глаза его сузились, а голос невольно похолодел. Он усмехнулся: — Что, одного Гун Сюсяня тебе недостаточно?

— Что за чушь ты несёшь? — И Нин посмотрел на него с недоумением. Настроение Янь Сюаня всегда было непредсказуемым, как и девять лет назад.

Тот холодно фыркнул:

— Такому бесстыдству любой демонический культиватор позавидует.

Вот теперь И Нин понял. Его, похоже, намёками обвиняют в распутстве. Медленно, шаг за шагом, он направился к закованному в цепи мужчине, и по мере приближения свежий аромат сосны, что всегда витал вокруг бессмертного, теперь едва касался кончика носа Янь Сюаня.

«Ближе, ещё хоть немного ближе», — подумал он.

В следующую секунду И Нин достал из пространственного кольца сосуд с настойкой на реальгаре* и вылил его содержимое Янь Сюаню на голову. Движения были изящными, плавными, но совершенно беспощадными.

— Ты!.. — его окатило с головы до ног, вино заструилось по волосам, шее, ключицам и продолжало стекать на грудь...

На коже проступили иссиня-чёрные змеиные узоры, тянущиеся до самых уголков глаз. Тело окутала мощная демоническая энергия, а зрачки сузились до золотистых вертикальных щёлок, сверкающих жутким светом.

Янь Сюань являлся демоническим культиватором змеиной расы.

— Веди себя прилично, — спокойно произнёс И Нин, затем убрал сосуд обратно в кольцо и покинул пещеру.

Настойка на реальгаре его не убьёт, лишь вызовет небольшое жжение. Янь Сюань, стиснув зубы, прожигал взглядом выход из пещеры. Едкий запах вина заполнил всё вокруг, вызывая тошноту.

«Подожди, И Нин. Однажды я заставлю тебя испробовать тот же вкус».

На следующий день.

Лю Жугэн с улыбкой вышел из зала вместе с Гун Сюсянем. Они о чём-то болтали, играючи соприкасаясь ладонями, когда вдруг наткнулись на И Нина.

Более того, достаточно было лишь поднять голову, как взгляд тут же упирался в кричаще-розовый праздничный фонарь, покачивающийся на ветру у входа. И Нин посмотрел сперва на него, а затем на их сплетённые руки. В груди вспыхнул необъяснимый гнев.

— Почтенный бессмертный... — раздался рядом робкий голос Лю Жугэна. — Если вам не нравится, я сейчас же его сниму. Просто мне показалось, что фонарик, который купил Сюсянь,

будет здесь очень красиво смотреться.

И Нин промолчал. Даже при всей своей неискренности в человеческих взаимоотношениях сейчас он уже не мог не понять.

Когда его ледяной взгляд встретился с глазами Лю Жугэна, тот, казалось, испуганно съёжился, прижимаясь к Гун Сюсяню, и жалобно проговорил:

— Почтенный бессмертный, я правда осознаю свою ошибку.

Гун Сюсянь слегка нахмурился и заслонил его собой.

— Учитель, это ведь всего лишь фонарь. Я сегодня же спущусь с горы и куплю вам новый, не обижайтесь больше.

За всё время их отношений с И Нином они ни разу не ссорились, поэтому Гун Сюсянь всегда считал, что его учитель мягок и покладист. А тут всего лишь какой-то праздничный фонарь.

И Нин несколько раз прокрутил в голове фразу «не обижайтесь», и вдруг ему захотелось рассмеяться. Это он обижается? Или же Гун Сюсянь теперь отдаёт предпочтение другому?

— Сними его, — холодно приказал И Нин, не оставляя места для возражений. Он был хозяином горы Юньцин, и если он велит что-то убрать, значит так тому и быть.

Гун Сюсяню ничего не оставалось, кроме как подчиниться. С беспомощным видом он снял фонарь, передал его Лю Жугэну, а затем, подойдя к своему учителю, протянул руку.

— Не сердитесь на меня, учитель. Давайте вместе займёмся совершенствованием.

В последние дни он так увлёкся развлечениями с Лю Жугэном, что совсем забросил тренировки.

И Нин посмотрел на протянутую руку, которой ещё недавно касался Лю Жугэн, и невольно почувствовал отвращение. Он не взял Гун Сюсяня за руку и даже не удостоил его взглядом. Просто развернулся и пошёл в главный зал.

Раздражает. Ужасно раздражает. И Нин сел в одиночестве в главном зале и погрузился в медитацию. Он чувствовал, что Гун Сюсянь хочет ему что-то сказать, поэтому заблокировал все пять чувств, не желая слушать оправданий.

Его ученик же, не подозревая об этом, завёл разговор:

— Учитель, сегодня у Жугэна день рождения. Пожалуйста, не злитесь на него. Вы всегда можете отругать меня, ваш ученик вечно будет рядом с вами.

Ответа не последовало. Решив, что с ним просто не хотят говорить, Гун Сюсянь вздохнул.

— Сегодня вечером Жугэн хочет выпить немного вина. Учитель, я пока схожу за ним на рынок.

Видя, что реакции по-прежнему нет, он беспомощно посмотрел на Лю Жугэна. Глаза у того были на мокром месте, но он, казалось, сдерживался изо всех сил и тихонько сказал:

— Ничего, Сюсянь. Давай уйдём.

— Хорошо, — сердце Гун Сюсяня смягчилось. В конце концов, они были друзьями с детства, этот человек и без того натерпелся в жизни. Защищать его было правильно. Он просто не понимал, почему учитель стал таким упрямым.

Когда они вдвоём вышли из главного зала, Лю Жугэн обернулся и бросил на И Нина презрительный взгляд.

«Твоему любимому ученику скоро надоеет твой скучный характер. Вот увидишь».

И Нин занимался совершенствованием целый день, и только к утру следующего дня его душевное состояние немного выровнялось. Он хотел найти возможность обсудить с Гун Сюсянем, не лучше ли будет Лю Жугэну жить у подножия горы.

Но в главном зале их не оказалось. Неужели Гун Сюсянь в эти дни был занят только развлечениями и не мог даже выполнить обязательный минимум ежедневных тренировок? Нахмурившись, бессмертный отправился в боковой дворик, где жил его ученик.

Сегодня погода по-прежнему была хмурой, собирался дождь. И Нин подумал, что следует непременно напомнить Гун Сюсяню купить побольше тёплой одежды, а не тратить деньги на всякие безделушки.

Но едва он вошёл во дворик, как заметил винную бутылку, подкатившуюся к ногам.

Вино. Взгляд И Нина стал жёстким. Когда-то он строго-настрого запретил на горе Юньцин выпивку, а Гун Сюсянь всё равно тайком её распивал.

Судя по всему, он, как учитель, был с ним слишком мягок. Пусть раньше ученик не нарушал правил, теперь ему явно следует преподать урок.

Перешагнув через бутылку, он распахнул главную дверь. Наружу вырвался резкий запах перегара, да такой сильный, что И Нин поморщился. Он поднял глаза и осмотрел комнату. Внутри никого не было, но за тёмно-синей занавесью на постели, похоже, кто-то лежал.

Более того, их было двое.

И Нин замер. Сердце бешено заколотилось в груди. Ему потребовалась вся сила воли, чтобы заставить себя успокоиться.

Не может быть. Этого просто не может быть. Они, наверное, просто перепили. Гун Сюсянь всегда жил честно, сохраняя чистоту тела и ума. Даже когда они были вместе, он не позволял себе ничего предосудительного.

Он медленно двинулся вперёд. Каждый шаг давался так, будто он наступал на собственное сердце. Чем ближе он подходил, тем громче слышал его стук.

Когда он отдёрнул занавесь, его сердце...

...остановилось.

Представшая перед ним картина лишила его дара речи. К горлу подкатил ком. Волны желчи подступали из желудка, вызывая тошноту.

Отвратительно. Просто отвратительно!

И Нин резко выхватил меч и рубанул по двум сплетённым в объятиях фигурам. За мгновение до того, как лезвие достигло цели, с постели раздался пронзительный визг Лю Жугэна.

Тот вовсе не спал. Он украдкой наблюдал за выражением лица И Нина, внутренне злорадствуя и презирая этого человека. Но когда бессмертный вытащил меч, его охватил настоящий ужас. Лю Жугэн поспешно закричал, чтобы разбудить спящего рядом Гун Сюсяня.

Однако клинок, занесённый над головой Гун Сюсяня, так и не опустился. Ученик вскинул руку, чтобы заблокировать удар, и лезвие вонзилось в его плоть, заставив кровь хлынуть потоком.

Нет, это того не стоит. Не нужно возвращать сердечного демона из-за такого неверного ученика. И Нин закрыл глаза и холодным тоном бросил лишь одно слово:

— Вон!

Лю Жугэн прильнул к Гун Сюсяню и принялся судорожно всхлипывать, пока сам Гун Сюсянь, в

панике и с абсолютно пустой головой, мог лишь безостановочно повторять:

— Учитель! Учитель, это не то, что вы подумали!

И Нин молча поднял меч и повторил:

— Вон.

— Учитель, прошлой ночью я опьянел и потерял рассудок. Вина целиком и полностью на мне. Клянусь, с сегодняшнего дня я больше не притронусь к выпивке... — Гун Сюсянь всё ещё пытался объясниться, но И Нин уже не слушал.

Его глаза налились кровью. Он знал: если так продолжится, он не сможет сдержаться и потеряет контроль. Бессмертный посмотрел на своего ученика и медленно, слово за словом, произнёс:

— Хорошо. Тогда уйду я. С этого дня нас с тобой больше ничего не связывает.

И Нин развернулся и ушёл. Он не простит Гун Сюсяня. Никогда.

Он даже не заметил, когда его маленький ученик превратился в подобного человека.

Отвратительно.

Проходили дни. И Нин ни разу не соизволил увидеться с Гун Сюсянем, но знал, что тот стоит на коленях снаружи.

Он понимал, что Лю Жугэн намеренно соблазнял Гун Сюсяня. Но разве всё обернулось бы так, если бы он просто дал твёрдый отказ? В конечном счёте, он сам не устоял.

И Нин чуть крепче сжал меч в руке. Дело не в том, что любовь переросла в ненависть. Он просто ненавидел вкус предательства.

— Учитель, я не смею просить у вас прощения. Лишь хочу, чтобы вы дали выход своему гневу и перестали игнорировать меня, хорошо? — Гун Сюсянь был по-настоящему напуган. Он впервые видел своего учителя в такой ярости.

Однако из главного зала не доносилось ни звука. И Нин не отзывался. Не в силах больше терпеть, Гун Сюсянь силой распахнул дверь зала. Но повсюду внутри его поджидали магические массивы, к тому же смертоносные.

— Учитель, разве это уже не слишком? — выражение лица Гун Сюсяня помрачнело. Он даже представить не мог, что с ним так обойдутся.

Впрочем, учитель всегда был с ним добр. Вероятно, его гнев просто ещё не остыл. Успокоившись, Гун Сюсянь вытащил меч из пространственного кольца и одним ударом разрушил массив.

Когда-то И Нин взял его в ученики именно за невероятный талант: один год его совершенствования был равен нескольким годам прогресса прочих культиваторов. Спустя столько лет Гун Сюсянь почти сравнялся в силе со своим учителем.

И Нин, почувствовав вторжение, тут же вскочил и бросился на него с мечом.

Это же «Беспощадный приговор» — смертельная техника, которой учитель без крайней нужды никогда не пользовался! Один такой удар может истребить нечисть и обратить всё сущее в ничто.

Гун Сюсянь блокировал его рукой, но от силы удара его вытолкнуло за порог.

— Вы сейчас применили «Приговор» против меня, учитель? — Он недоверчиво уставился на И Нина и, внезапно метнувшись вперёд, схватил его за запястье. — Вы ненавидите меня, да?

«Беспощадный приговор» черпает силу из ненависти. Без неё применить технику было бы невозможно.

Учитель действительно его возненавидел?

— Жугэн — всего лишь обычный смертный. Через несколько десятилетий он обратится в прах. Стоит ли так мелочиться из-за него, учитель? — поспешно заговорил Гун Сюсянь, но единственным ответом ему стал безжалостный клинок.

Дождь снаружи усилился.

И Нин хотел отдёргнуть руку, но Гун Сюсянь обладал огромной силой. Он сжимал запястье до боли, и вырваться было невозможно.

Но главное — И Нин вновь почувствовал, как та же самая желчь вновь поднимается внутри. Кровь вскипела, голову пронзила невыносимая боль, а перед глазами всё поплыло. Это происходило каждый раз, когда он использовал духовную энергию. Что-то явно было не так.

Он был отравлен!

Кто?.. В сознании И Нина всплыла фигура человека в изумрудных одеждах. Размытая улыбка Лю Жугэна при внимательном рассмотрении таила в себе ядовитую жестокость.

— Убирайся, — из последних сил он сохранял самообладание и отвернулся, не желая на него смотреть. При взгляде на это лицо он вспоминал тот день, когда застал их обоих в одной постели, и его снова начинало тошнить.

Гун Сюсянь заметил глубокое отвращение в его глазах, взгляд этот больно ранил. Вот оно что. Значит, теперь учитель считает его грязным.

Предплечьем он встретил меч И Нина. Брызнула свежая кровь, и голос Гун Сюсяня заметно похолодел:

— Учитель, прошло уже столько дней, вам пора бы и успокоиться.

Он притянул его к себе, а в другой руке блеснул маленький нож.

— Что ты хочешь... — зрение И Нина окончательно помутилось. Если он попытается ещё раз применить духовную силу, действие яда лишь усилится. Он только что применил смертельную технику и понимал, что до потери сознания оставалось недолго.

И Нин стоял прямо, подобно сосне или бамбуку после дождя. Со стороны невозможно было догадаться, что на самом деле он едва держится на ногах.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Гун Сюсянь, легонько похлопывая своего учителя по спине, как если бы успокаивал ребёнка. — Просто есть кое-что, что я давно хотел сделать.

В тот же миг намерение меча И Нина рассеялось.

Он хотел вырваться и уклониться, однако ноги перестали слушаться, и он рухнул на пол. Гун Сюсянь встал перед ним, взгляд его дрогнул.

— Спи.

«Учитель, я ни за что не позволю тебе отойти от меня даже на полшага».

Примечание:

Реальгар (赭石, xiónguáng) — минерал оранжево-красного цвета, сульфид мышьяка. В

традиционной китайской культуре считался мощным средством против ядов, змей и нечисти. Настойку на реальгаре пили и расплёскивали по углам дома в Праздник драконьих лодок для отпугивания змей и защиты от болезней. В фэнтези и легендах реальгаровое вино часто заставляет змеиных демонов проявлять их истинный облик.

<http://bllate.org/book/17265/1621629>